Интеллигенция и российское общество в начале XX века. Сб. статей. — СПб., 1996.

Сборник научных статей посвящен актуальной теме, недостаточно разработанной в отечественной и зарубежной историографии. Широко использованы архивные и опубликованные материалы, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Авторы — научные сотрудники Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН, анализируют современное состояние изучаемой проблемы, исследуют место и роль российской интеллигенции в политической жизни России с конца XIX в. до 1917 г., ее творческий вклад в научную и культурную жизнь российского общества.

Сборник подготовлен к печати при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (№ 94—06—19556—а).

Отпечатано в РПМ БАН. 199034, Санкт-Петербург, Биржевая ул., 1. Заказ 79. Тираж 500 экз.

Российская Академия Наук
Институт российской истории
Санкт–Петербургский филиал

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО в начале XX века

Санкт–Петербург

1996

Предисловие

Современное состояние изучения одной из кардинальных исторических проблем — <<Интеллигенция и российское общество>> — свидетельствует, что как и десятилетия назад подход к ней во многом определяется теми традициями и догмами, которые были порождены октябрьскими событиями 1917 г. в Петрограде. Переход государственной власти в руки партии большевиков, с ее традиционной ориентацией на рабочий класс и крестьянство как основу в развитии нового общества, способствовал практически полному удалению с исторической авансцены тех слоев населения и социальных групп, которые выражали малейшее несогласие с методами и тактикой действия нового правительства, сомневались в целесообразности резкого изменения российского политического курса.

Сказанное в полной мере относится к освещению в исторической литературе роли и места интеллигенции в общественно—политической жизни страны в дооктябрьский (1917 г.) период. В лучшем случае, как отмечается в публикуемой в настоящем сборнике статье Н.Н.Смирнова, анализировалась деятельность интеллигентов—большевиков, оказывавших содействие рабочим, солдатам и крестьянам в их революционной борьбе. В худшем — интеллигенция представлялась той контрреволюционной силой, которая препятствовала радикальным преобразованиям. Судьбе одного из объявленных новой властью <<интеллигентов—контрреволюционеров>>, основоположника и классика науки уголовного права в России, почетного члена Российской Академии наук, сенатора Н.С.Таганцева посвящена статья В.Ю.Черняева.

Анализ политической позиции и социально—психологического состояния различных групп интеллигенции в начале XX в. свидетельствует, что их отношение к происходящим в

XX в. свидетельствует, что их отношение к происходящим в стране событиям было неоднозначно, порой противоречиво. Сторонники монархии в одночасье переходили в лагерь своих оппонентов, активно включались в революционную деятельность, но и в этом случае их симпатии вовсе не склонялись на сторону лишь большевиков, меньшевиков, эсеров либо кадетов. В статье Т.А.Абросимовой убедительно показана трансформация взглядов тех, кто причислял себя к отряду партийной интеллигенции.

Метания в поисках новых союзников, поиск собственного места в разворачивающейся политической борьбе были в равной степени характерны для адвокатов и врачей, учителей и писателей, представителей других интеллигентских профессий. Формирование новых настроений, динамика их развития от первой российской революции до конца 1917 г. прослеживается В.М.Кручковской на примере одного их самых многочисленных отрядов интеллигенции — российского студенчества.

Молодежь, свидетельствует Б.И.Колоницкий, порождала стремление к переоценке используемой в литературе терминологии, включению в состав интеллигенции тех слоев населения, которые, казалось бы, по роду своих основных занятий были далеки от производства духовных ценностей, не зарабатывали на жизнь умственным трудом. <<Рабочая интеллигенция>> — феномен, привлекший в свое время внимание петербургского студента Л. М. Клейнборта, ставший предметом его творческой работы на многие годы — одно из проявлений подобного стремления. К сожалению, в силу политической конъюнктуры разработка данной проблемы в отечественной историографии не получила должного развития. Хотя, по замечанию Б.И.Колоницкого, некоторые идеи, высказанные строителями субкультур <<рабочей интел—лигенции>> были использованы большевиками, политика которых по отношению к самой интеллигенции доходила подчас до грани социоцида.

Позитивный шаг в переосмыслении традиционной для отечественной историографии проблемы взаимоотношений интеллигенции и рабочего класса сделан в статьях С.И.Потолова и Н.В.Михайлова. Политически неоднородная интеллигенция

оказывала существенное влияние на формирование мировоззрения промышленного рабочего, включала его в орбиту деятельности тех партий и организаций, чьи воззрения на перспективы переустройства российского общества были далеки от большевистских, во многом диаметрально им противоположны. Вряд ли стоит нивелировать тот факт, что в период первой российской революции, как и в последующие годы, решающее воздействие на умонастроения рабочих оказывали эсеры и меньшевики.

Авторы сборника статей намечают пути преодоления тех негативных тенденций, которые и сегодня мешают объективно оценить место и роль российской интеллигенции в политической структуре общества в начале XX в. Многие имеющиеся лакуны могли и не проявиться, если бы в распоряжении исследователей своевременно оказались значительные массивы источников и литературы, созданные современниками описываемых до октябрьских (1917 г.) событий, либо в первые годы существования советского государства. Но, поскольку взгляды и убеждения их авторов расходились с генеральной линией большевистской партии, <<неугодная продукция>> изымалась из широкого обращения. Лишь в наши дни осуществляется переиздание трудов таких ярких представителей российской интеллигенции начала века, как П.Милюков, Б.Савинков, З.Гиппиус, И.Бунин, С.Булгаков, Н.Гумилев и многих других. С расширением источниковой базы появляется возможность и насущная необходимость объективного переосмысления ряда традиционных выводов и взглядов на одну из интереснейших исторических проблем.

Внимание читателя хотелось бы обратить и на статью Т.М.Китаниной, посвященную гениальному российскому ученому Д.И. Менделееву. Его научно-просветительская деятельность необычайно многогранна и трудно обозрима. Отныне он предстает перед нами не только как человек, совершивший величайшие открытия в области химии, но и как личность, добившаяся впечатляющих успехов в области психологии и социологии, демографии и статистики, оказавшая определенное влияние на общественную мысль России.

Материалы данного сборника статей своим появлением во многом обязаны поддержке Российского гуманитарного фонда, которому авторы выражают свою самую искреннюю признательность. Авторский коллектив также глубоко благодарен верным и добрым помощникам — И.И.Крупской и М.Н.Румынской — за подготовку публикации к печати.

Данный сборник статей продолжает серию, начатую книгами <<Петроградская интеллигенция в 1917 году>> (М.-Л., 1990), <<Рабочие и российское общество. Вторая половина XIX — начало XX в.>> (Спб., 1994), и отражает одно из основных направлений исследовательской работы группы истории российских революций и общественного движения Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН.

рабочих торговли и вообще сферы обслуживания, так называемых «чернорабочих» и поденщиков. Всего, по данным городской переписи 1900 г., общая численность всех категорий петербургских рабочих в 1900 г. составила 438.540 чел., а вместе с членами семей — 636.055 или 44,2% населения города. Если же в этот подсчет включить еще многочисленную в Петербурге прислугу (личную и учрежденческую), составлявшую (вместе с членами семей) в 1881—1900 гг. 11—14% городского населения, то общая пролетарская прослойка в 1900 г. составляла уже 57,5%[2].

Большинство из этих рабочих в недавнем прошлом были выходцами из деревни, сохранившими с ней многообразные связи, духовные, правовые и экономические, выражавшиеся, в частности, в стремлении к самоорганизации и взаимопомощи, присущими крестьянской общине[3]. И, конечно, в своей основной масса они вплоть до революции 1905—1907 гг. почти не были затронуты рабочим движением, число участников которого, даже во время крупнейших выступлений, знаменитой «промышленной войны» 1896—1897 гг. и стачек в мае — июне 1901 г. (Обуховская оборона), не превышало единовременно 20—40 тыс. Стачки петербургских рабочих предреволюционного десятилетия, 1895—1904 гг., были по преимуществу экономическими и стихийными, хотя и сопровождались выдвижением отдельных требований политического характера[4].

Так же мало были связаны с основной массой петербургских рабочих участники революционных кружков, руководимых в основном радикальной интеллигенцией, студентами. Результатом их деятельности было вовлечение в движение узкого слоя передовых рабочих, которые, однако, из-за постоянных полицейских преследований, частых арестов не могли оказывать существенное влияние на остальных рабочих. Среди этих наиболее сознательных рабочих, к которым можно причислить и получивших образовательную подготовку в вечерне-воскресных школах и представлявших достаточно узкий круг «рабочей интеллигенции», на рубеже XIX—XX в. выделяются сторонники самостоятельных, независимых от интеллигенции, выступлений рабочих, создания легальных рабочих организаций профессионального характера, касс взаимопомощи. «Экономизм» в

рабочем движении был закономерным явлением, отражавшим уровень массового сознания рабочих, их известное сословное предубеждение к интеллигенции, равно как и к хозяевам предприятий, администрации, фабричной инспекции. В Петербурге это получило конкретное выражение в деятельности группы «Рабочей мысли» и «Рабочей организации»[5].

Парадокс российской действительности состоял в том, что стихийный «тред-юнионизм» рабочих не находил адекватного отражения в трудовом законодательстве. В самодержавной России до 1905 г. были под запретом и уголовно преследовались и обычные экономические стачки, и любые рабочие организации, а трудовое законодательство имело откровенно охранительно-попечительный, патерналистский характер.

Неудачными оказались попытки промышленно-финансового ведомства во главе с С. Ю.Витте осуществить в начале XX в. реформу трудового законодательства: отменить уголовное преследование участников экономических стачек и, тем самым легализовать их, разрешать рабочим организовывать разного рода кассы и общества взаимопомощи, культурно-просветительные организации, беспрепятственно проводить на заводах и фабриках собрания. Подобные предложения содержались в специально записке «О пересмотре статей закона, карающих забастовки и досрочные расторжения договоров о найме и о желательности установления организации рабочих в целях самопомощи», которая в литературе обычно фигурирует как Записка Витте[6]. Основная часть проекта не была тогда реализована, единственным его отголоском был весьма ограниченный, имевший сугубо охранительные функции закон 10 июня 1903 г. о старостах, оказавшийся в итоге мертворожденным из-за бойкота со стороны рабочих и большинства промышленников[7].

Неудачей окончились и попытки легализовать рабочие организации под контролем охранных отделений и тем самым вывести их из под влияния революционных групп и демократической интеллигенции. Зубатовский «полицейский социализм» был внутренне противоречивой политикой, он встречал сопротивление как со стороны промышленников, так и

сознательных рабочих, а главное он не смог помешать дальнейшему развертыванию рабочего движения, что наглядно продемонстрировала Всеобщая стачка рабочих Юга России летом 1903 г[8].

Сам С.В.Зубатов, после перевода его в конце 1902 г. в Петербург на должность заведующего Особым отделом Департамента полиции, пытался организовать здесь с помощью московских рабочих крупную проправительственную рабочую организацию, но мало в том преуспел. Созданное в 1903 г. Петербургское «Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве» — точное подобие одноименного зубатовского общества в Москве — пользовалось дурной репутацией у столичных рабочих как откровенно полицейская организация и не имело массовой базы. И именно тогда Зубатов обращает внимание на молодого священника Г.А.Гапона, имевшего вкус и определенный опыт в проповеднической деятельности среди рабочих, городского люмпена. Он знакомится с Гапоном, снабжает его литературой, в том числе нелегальной, причем по авторитетному свидетельству самого Зубатова, Гапон получал от него «ежемесячное пособие» 100 рублей и стал в охранке «своим человеком»[9]. Пользовался Гапон покровительством и градоначальника Клейгельса, и петербургского митрополита Антония, и главы Синода К.П.Победоносцева, при помощи которых он в конце концов не без труда в 1903 г. окончил курс Духовной академии и получил место священника церкви при Петербургской пересыльной тюрьме.

Амбициозный и честолюбивый Гапон уже после отставки Зубатова, осенью 1903 г. организует собственное общество — «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга», устав которого был утвержден МВД 15 февраля 1904 г. Подробно характеризуя структуру и характер деятельности создаваемой легальной рабочей организации, Гапон в своей докладной записке директору Департамента полиции А. А. Лопухину от 14 октября 1903 г. особо отмечал необходимость дать стремлению рабочих к организации и самодеятельности «*законный выход*». «Пусть лучше рабочие удовлетворяют *свое*

естественное стремление к организации для самопомощи и взаимопомощи и проявляют свою разумную самодеятельность во благо нашей родины *явно и открыто*, чем будут (а иначе непременно будут), сорганизовываться и проявлять неразумную свою самодеятельность *тайно и прикровенно во вред себе и всему может быть народу*. Мы это особенно подчеркиваем — *иначе воспользуются другие — враги России*»[10]. Кто были эти враги, расшифровывается в другом месте Записки — «полити-канствующая интеллигенция»[11].

В декабре 1922 г. Петроградским истпартом были организованы 5 вечеров воспоминаний, в которых выступили активные участники гапоновского движения. Профессор В. В.Святловский, который сам был тесно связан с гапоновским «Собранием» и вел эти вечера, уже в первый вечер предложил «осветить следующий вопрос: насколько я помню, настроение было тогда против интеллигенции против революционной ителлигенции, Рабочие от нее как-то отошли. Это объяснялось тем, что партии прислали молодых и неопытных пропагандистов... Я бы характеризовал: настроение было такое — вести свою особую линию, но не ту, какую вела революционная интелигенция, образовать свою самостоятельную рабочую партию». Эти наблюдения Святловского подтвердили и другие. В. М. Карелина передает свой разговор с Гапоном, который, в частности, сказал ей: <<... надо показать правительству, что это движение самостоятельное>>. Относительно революционеров высказывался, что еще рано допускать их к рабочей массе, до этого необходимо саморазвитие. Высказывался против интеллигенции. Руководящую роль не хотел ей передавать». Н.М.Варнашев также подчеркивал «общее настроение недовольства партийной интеллигенцией за ее несдержанность и неосторожность»[12].

Торжественное открытие «Собрания» происходило в арендованном и специально оборудованном помещении чайной-читальни на Выборгской стороне 11 апреля 1904 г. в присутствии нового петербургского градоначальника Фуллона После молебна присутствовавшие исполнили гимн «Боже царя храни» и в

[20] Лейкин А.Я. Против ложных друзей молодежи: (Из истории борьбы КПСС с буржуазными и мелкобуржуазными партиями за молодежь, 1917–1924 гг)... С. 37.

[21] Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября. С. 275.

[22] Купайгородская А.П. Петроградское студенчество и Октябрь // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1980. С. 241.

[23] Там же.

Б. И. Колоницкий

<<Рабочая интеллигенция>> в трудах Л. М. Клейнборта*

Термин <<рабочая интеллигенция>> не мог не появиться. Для самосознания российской интеллигенции весьма важна была оппозиция <<интеллигенция — народ>>. Но в перспективе надежды возлагались на появление <<народной интеллигенции>>. П. Д. Боборыкин писал: <<... народ... прошел уже в нескольких поколениях тяжелую, но развивающую школу фабричного труда, он успел выработать в своей среде такое меньшинство, которое иначе нельзя назвать как народной интеллигенцией>>[1]. Показательно, что так думал автор, отразивший и, одновременно, оформивший самосознание интеллигенции. Характерно и то, что он писал о <<фабричной>> среде.

Как известно, марксистская интеллигенция произвела своеобразную замену: место <<народа>> занял <<рабочий класс>>, ставший для нее <<новым народом>>[2]. Соответственно, место <<народной интеллигенции>> заняла <<рабочая>>. Уже в объявлении об издании <<Рабочей библиотеки>>, составленной П.Б.Аксельродом и подписанным им и Г.В.Плехановым (1884 г.), говорилось о том, что <<рабочая интеллигенция>> должна перестать тащиться в хвосте т. н. <<интеллигентских кружков>> и организоваться в <<самостоятельную силу>>. В 1885 г. появилась новая брошюра Аксельрода <<Рабочее движение и социал-демократия>>, в которой речь также шла о <<рабочей интеллигенции>>. Наконец, в 1889 г. была опубликована еще одна брошюра Аксельрода <<Задачи рабочей интеллигенции в России: Письмо к русским рабочим>> (первоначальная публикация в журнале <<Социалист>>, второе издание вышло в 1893 г.). Под <<рабочей интеллигенцией>> автор понимал <<развитых>>, <<передовых>> рабочих, <<интеллигентных представителей

рабочего класса>>, которые противопоставлялись и <<интеллигенции высших классов>>, и <<многомиллионной массе>> <<трудящихся классов>>. <<Передовые единицы русского рабочего класса>> должны <<возбуждать к борьбе>> <<массы>> и руководить ими. Для формирования <<рабочей интеллигенции>> предполагалось издавать специальные газеты и журналы. Откликаясь на речи рабочих во время празднования 1-го мая 1891 г. Аксельрод сделал вывод о том, что в России уже появилась <<рабочая интеллигенция>>[3].

Т. о. <<передовым>> и <<сознательным>> рабочим предлагалась идентификация, основой которой стала субкультура интеллигенции: они должны были приобретать <<интеллигентность>> посредством чтения, активно участвовать в общественной борьбе, стать руководителями и просветителями <<масс>>.

Вообще, тема <<рабочей интеллигенции>> была весьма важна для Аксельрода. И.Г.Церетели вспоминал: <<...совершенно исключительную роль в деятельности Аксельрода играла забота о создании первых, необходимых для пролетарской самодеятельности, кадров — рабочей интеллигенции, сохраняющей органическую связь со своим классом и приобщающей массы к социал-демократической активности>>[4]. Биограф Аксельрода отмечал, что его идеи не были ни глубокими, ни особенно оригинальными, но указание на особую роль <<рабочей интеллигенции>> сделало его главным выразителем определенной тенденции в русском марксизме[5].

Понятие прочно вошло в лексикон российских социал-демократов. Так, о наличии <<рабочей интеллигенции>> в России писал в 1899 г. В. И. Ленин. Для него это также социалистически настроенные рабочие, занимающиеся самообразованием, <<передовики>>, работающие среди <<масс>>[6], хотя в одном случае он именует так рабочих-учащихся[7]. Однако со временем Ленин все реже использует данный термин. Последний раз он употребляет его в 1913 г.[8]

Напротив, для меньшевиков-<<ликвидаторов>> термин становится одним из важнейших понятий. По мнению исследователя истории меньшевизма Л. Хаймсона, для

меньшевиков в предвоенную эпоху понятие <<рабочая интеллигенция>> играло большую роль во всей партийной концепции развития рабочего движения. Оно противостояло другим моделям идентификации рабочих активистов: <<классово сознательный пролетарий>> (эту модель предлагали большевики), <<трудящиеся>>. Для <<ликвидаторов>> <<рабочая интеллигенция>> была важнейшим инструментом <<европеизации>> российского рабочего движения. Показательно, что среди своих политических друзей Аксельрод имел устойчивую репутацию <<европеизатора>>[9]. <<Рабочие интеллигенты>>, руководители и активисты легальных организаций, по мнению <<ликвидаторов>>, должны были стать истинными руководителями движения, сменив <<интеллигентов>>, революционеров-подпольщиков.

Можно предположить, что на распространение термина влияли конфликты между рабочими и интеллигентами в социал-демократических организация, подчас они принимали весьма острый характер. По свидетельству В.К.Икова <<интеллигентствоедство>> было распространено среди <<передовых>> рабочих[10].

По-видимому, на появление термина повлияла и дискуссия об <<академиках>> в германской социал-демократической партии: партия, ориентирующаяся на промышленных рабочих, не без споров формулировала свое отношение к тем своим членам, которые обладали дипломами университетов, весьма напряженными были дискуссии об <<умственных рабочих>> и пр.[11]

Хотя в начале XX века понятие <<рабочая интеллигенция>> использовали многие авторы, но специально рассмотрел этот вопрос Л. М. Клейнборт. Если теоретики социал-демократии предлагали различные планы развития <<рабочей интеллигенции>>, то он собирал многообразную информацию о реальных рабочих, которых считал <<рабочими интеллигентами>>. Со многими из них он специально знакомился, заводил переписку. Клейнборт не был профессиональным ученым. Коллективный портрет <<рабочей интеллигенции>>, созданный им, без сомнения идеализирован и романтизирован, но в его публикациях был собран большой фактический

материал. Неудивительно, что они и по сей день цитируются специалистами.

Лев Максимович (Наумович) (Лейб Нахманович) Клейнборт (1875—1950) поступил в Петербургский университет в 1896 г., а в следующем, 1897 г. примкнул к социал-демократической студенческой группе. Он был активным участником <<ветровских>> демонстраций, в 1899 г. впервые подвергся аресту. Завершить свое образование Клейнборт так и не смог: в 1901 г. он был исключен из университета, арестовывался и содержался в тюрьмах: в 1900—1902 гг. (по делу <<Рабочей библиотеки>>), в 1903 г. (по делу <<Союза борьбы за освобождение рабочего класса>>), в 1907 г., в 1908—1909 гг. (за редактирование изданий О. Н. Поповой), дважды отбывал ссылку. В 1906 г. на квартире при обыске был найден шрифт, однако на этот раз арестована была его жена, Мария Францевна, племянница П.Ф.Лесгафта[12].

В ссылке, в 1902 г. Л.М.Клейнборт начал печататься в провинциальной прессе, затем он стал сотрудничать в столичных изданиях <<Новое дело>>, <<Образование>> (с 1904 г. член редакции), <<Мир божий>>, <<Новая жизнь>>, <<Современный мир>> (в этом журнале он редактировал один из отделов), <<Журнал для всех>>, <<Вестник Европы>>, <<Вестник жизни>> и других. Свои публикации Л. М. Клейнборт характеризовал так: <<Печатал я и беллетристические очерки, и критические статьи, и научные, политические, но везде я одинаково публицист>>, <<Все мои работы тех лет выдержаны были в тонах журнального марксизма>>. По-видимому, среди собратьев по перу он пользовался определенным авторитетом: в 1910 г. его пригласили на II Всероссийский съезд писателей. Клейнборт работал также редактором издательства О. Н. Поповой, в котором печатались многие авторы марксистской ориентации. Занимая эту должность, он встречался и переписывался со многими видными социал-демократами[13]. В известной степени последние материально зависели от Клейнборта: он определял судьбу рукописей, поступавших в редакции и издательство. Отзвуки былых обид мы встречаем в письме В.Д.Бонч-Бруевича от 29 марта 1948 г, адресованном Клейнборту: <<Вспомните, пожалуйста, старое время, когда Вы были самовластным

редактором в журнале "Образование" и потом в "Современном мире", где обстоятельства для редакторской работы в 100 раз были лучше и удобнее, чем в настоящее время, Вы нередко задерживали ответы на долгое время и, например, на мои письма я нередко получал ответы через полтора года. На целый ряд писем, которые я Вам написал тогда, я не получил ответа и до сего времени>>[14].

Л. М. Клейнборт придерживался меньшевистской ориентации. По словам Е. Ананьина, он излагал Ю. О. Мартову план <<меньшевизации>> журнала <<Образование>>[15]. В 1917 г. Л. М.Клейнборт сочувствовал правому, оборонческому пылу меньшевистской партии. Он сотрудничал в газетах <<День>>, <<Единство>>, печатался в издательстве Центрального военно-промышленного комитета.

В советское время Л. М. Клейнборт заведывал литературной студией Наркомпроса (1919—1920), возглавлял студию петроградского Пролеткульта, вел литературные кружки моряков Балтийского флота. Он сотрудничал в изданиях <<Былое>>, <<Голос минувшего>>, <<Красная новь>>, <<Культура и революция>>, <<Каторга и ссылка>>. В то же время он издает ряд книг. Как правило, они представляют собой сборники переработанных статей, опубликованных ранее в периодических изданиях. В начале 1930-х годов Л. М. Клейнборт был репрессирован, но в 1936 году он хлопотал о пенсии, его ходатайство поддержали А. Новиков-Прибой, А. Прибылев, А. Прибылева-Корба, А. Чапыгин, К. Федин, И. Садофьев. Последний писал: <<Его многолетняя работа по вопросам так называемой "рабочей интеллигенции" заслуживает безусловного внимания и тем более обеспечения>>[16]. Умер Л.М. Клейнборт в Ленинграде.

Книгу <<Очерки рабочей интеллигенции>> Клейнборт задумал еще перед Первой мировой войной, об этом упоминается в письме Н. Афанасьева Клейнборту 3 мая 1914 г.[17] Соответствующие статьи Клейнборт публиковал в различных изданиях. Позднее они вошли в книгу под таким же название названием (Петроград, 1923 г.). Ее второе, расширенное издание

вышло в Москве в 1925 г. под заглавием <<Как складывалась рабочая интеллигенция>>.

По-видимому статьи Клейнборта получили известный отзвук в социал-демократической среде. Я.М.Свердлов писал 7 февраля 1914 г. в письме к К.Т.Новгородцевой-Свердловой: <<Заслуживают внимания статьи Клейнборта о "росте рабочей демократии". Это ряд статей — 6, рассеянных в разных номерах. Я читал их все, некоторые — давно. Все статьи фельетоны, неглубоки, но интересны по скомбинированному материалу, который получен автором чуть ли не исключительно из рабочих газет>>. На оценку Свердлова очевидно повлияла меньшевистская позиция Клейнборта: <<В статьях о рабочих организациях, общественной жизни рабочих ясно видны местами уши меньшевиков и ликвидаторов>>[18]. Однако следует признать, что своей стройной концепции <<рабочей интеллигенции>> Клейнборт действительно создать не смог. Иногда он именует <<рабочей интеллигенцией>> всех рабочих, интересующихся книгой, чтением. В других же случаях он говорит о рабочей интеллигенции в <<узком значении>>. Кого он к ней относит?

Хотя особый интерес для Клейнборта представляют рабочие, занимающиеся художественным творчеством, он не ограничивает <<рабочую интеллигенцию>> лишь самодеятельными писателями, актерами и художниками. <<Рабочие-интеллигенты>> — это носители определенной субкультуры, их отличает особая этическая позиция, своеобразный образ жизни. Показательна структура первого тома книги, он состоит из глав: <<Умственный подъем>>, <<Читатель-пролетарий>>, <<Вопросы чести и совести в рабочей среде>>, <<Общественная жизнь>>, <<Национальный вопрос>>, <<Проблемы интеллигенции в рабочем сознании>> (во втором томе пишется о художественном творчестве рабочих).

<<Рабочую интеллигенцию>> <<в узком смысле слова>> характеризует не просто чтение, но чтение <<серьезных>> книг, это отличает ее от <<рабочей массы>>, поглощающей <<развлекательную>> литературу. В развитии подобного чтения особую роль сыграл период после Первой российской революции: <<...годы реакции интенсивнее формировали читателя, чем годы подъема, когда даже металлисты — передовой

отряд пролетариата, — читали, по преимуществу брошюры>>. Рабочий-интеллигент приобретает потребность в постоянном чтении, покупает книги, создает свою домашнюю библиотеку: <<Он уже не может не покупать, уже голодает без книги, как голодает без хлеба>>. Важной частью жизни его становится обсуждение прочитанных книг, рассказ о них. Иногда подобные беседы перерастают в <<просветительские>> акции, рабочий-интеллигент становится <<просветителем>>, он вовлекает в чтение своих собеседников[19].

Рабочего-интеллигента характеризует своеобразная этическая позиция. Выступая против воровства, пьянства, он руководствуется классовой моралью; этические системы рабочих и предпринимателей несовместимы: <<Моральный мостик здесь не перекинешь, ибо честь у заводского "буржуя" своя и топчет он рабочего "человека", исходя, в свою очередь, из нее>>[20].

Другая важная черта рабочего-интеллигента — активная общественная позиция: он интересуется общественными проблемами. Это, по мнению, Клейнборта, отличает его от <<крестьянской интеллигенции>>, которая предпочитает <<практическую>> сельскохозяйственную литературу. Рабочий интеллигент работает во всевозможных организациях: рабочих клубах, кооперативах, союзах, просветительских обществах, творческих кружках, редакциях периодических изданий и пр. Наличие этих самоуправляющихся организаций, действующих легально или полулегально, и позволило, по мнению Клейнборта, сложиться рабочей интеллигенции. Подчас термины <<рабочая интеллигенция>> и <<рабочая демократия>> употребляются Клейнбортом как синонимы. Он заявляет: <<"Интеллигент-рабочий" — прежде всего практик. Нет поэта рабочего, который не был известен прежде, как работник, стоящий, так или иначе, в движении. Беллетристика дело десятое по сравнению с теми функциями, которые он несет в качестве должностного лица организации. ...Ведь само развитие, сама интеллигентность приобретается здесь на почве удовлетворения потребностей движения...>>[21].

Но интеллигент-рабочий, по Клейнборту, не просто политизирован, но политизирован по-особому. Фактически

подразумевается, что он должен стоять на <<классовой>> позиции. Это проявляется и в отношении <<рабочей интеллигенции>> к проблеме <<интеллигенции>>: <<Внеклассовой интеллигенции нет. Каждый класс, каждая социальная группа имеет свою интеллигенцию>>[22].

Появление <<рабочей интеллигенции>> как особой группы Л. Клейнборт относит ко времени после революции 1905 г. Этому способствовало и появление легальных рабочих организаций различного типа (клубы, союзы, общества и т. д.), и изменение позиции интеллигенции, которая проявляла в это время гораздо меньше внимания к рабочим и их организациям: <<Начальство ушло из нашего рабочего движения>>. Возросший спрос на <<интеллигентов>> совпал с сокращением предложения: <<Вспомним о том повальном опустошении в рядах социал-демократической интеллигенции, которое произвел 1905 год. Лица, близкие к рабочему классу, желавшие работать при новых, изменившихся условиях, насчитывались десятками>>. Первоначально рабочие кружки и союзы даже готовы были платить профессионалам, чтобы они не уходили из <<движения>>. Все это и способствовало более быстрому выдвижению рабочих на те посты, которые ранее занимали <<интеллигенты>>, и отчуждению рабочих-активистов от <<интеллигенции>>: <<...после 1906 г. интеллигенция верхних кругов ушла из рабочих кварталов, рабочий класс оказался предоставленным самому себе. Однако же, чем быстрее происходит этот уход, тем глубже шло рабочее саморазвитие; шло потому, что место интеллигента "руководителя" занимал "интеллигент-рабочий">>[23].

Сходная ситуация сложилась и в рабочей прессе, поскольку интеллигенты-марксисты предпочли сотрудничать в хорошо оплачиваемых <<буржуазных>> изданиях: <<Литераторы интеллигенты повернули от социализма, от рабочей прессы. Если бы не пошел на смену интеллигент-рабочий,... рабочая пресса просто была бы невозможной>>[24].

Упал интерес интеллигенции и к политическим общественным организациям, изданиям. В журналах <<для народа>> обнаружилась нехватка сотрудников, <<интеллигенты>>

уходят из <<обществ содействия устройству общедоступных развлечений>> — их места занимают рабочие[25].

В целом позиция Клейнборта совпадала со взглядами меньшевистских публицистов, которые считали, что появление <<рабочей интеллигенции>> связано с развитием легальных организаций. Некоторые историки также относят появление <<рабочей интеллигенции>> к послереволюционному времени[26].

Однако, как уже отмечалось, многие видные социал-демократы относили возникновение <<рабочей интеллигенции>> к концу XIX века. Известно также, что в это время появились рабочие, идентифицирующие себя с <<рабочей интеллигенцией>>[27]. Показательно, что еще до революции 1905 г. чины Министерства внутренних дел отмечали, что в рабочем движении активную роль начинает играть <<полуинтеллигент из рабочих>>[28].

Однако бесспорно, что термин стал широко употребительным и оказался в центре дискуссий после революции. Даже специалисты по рабочему вопросу из Департамента полиции сочли необходимым изложить свое понимание понятия: циркуляр от 2 сентября 1914 г. содержал настоящий <<очерк о рабочей интеллигенции>>. В нем утверждалось, что 1905 год выдвинул <<рабочую интеллигенцию>> — <<новый вид революционных вожаков>>, которые должны заменить прежних <<буржуазных интеллигентов>> в руководстве движением: <<Почувствовав свои силы, эта рабочая интеллигенция прежде всего стала вытеснять из организаций буржуазную интеллигенцию, к которой всегда существовало отрицательное отношение со стороны рабочих из-за требований его себе права домогательства организационных реформ в подпольных организациях и т. п. и мало-помалу взяла руководящую власть, добившись т. о. демократизации движения>>. <<Возобновление рабочего движения на новых началах>> авторы циркуляра относят к концу 1906 — началу 1907 г. Появление <<рабочей интеллигенции>> полицейские специалисты также связывали с возникновением легальных рабочих организаций, прежде всего профсоюзов, в которых собран <<цвет революционеров — рабочих интеллигентов>>[29]. Нельзя не заметить, как язык

социал-демократов влиял на полицейских: они описывали новые явления с помощью понятий, введенных марксистами.

Важнейшая характеристика политической позиции <<рабочей интеллигенции>> по Клейнборту — отрицание шовинизма, ксенофобии, национализма: <<Пролетарий угнетенных наций утвердил свое единство с пролетариатом России, оплотом против человеконенавистничества, откуда бы оно ни исходило, и рабочий интеллигент России пользовался, в свою очередь, каждым случаем, чтобы показать, что это не ошибка, что он стоит на страже культуры, без недомолвок столь обычных у интеллигентов привилегированных кругов>>[30].

<<Сознательные>> рабочие подчас копировали не только образ жизни, но и манеры, костюм, моду интеллигенции. В разные времена то синие очки и плед, то длинные волосы и мягкая шляпа делали их похожими на художников и студентов, подчас популярностью пользовались элементы студенческой формы. По словам А. Потресова, облик передовых рабочих являл собой <<всевозможные комбинации старого мещанства с новейшими напластованиями интеллигентски-демократического склада>>. <<Рабочие интеллигенты>> гордились тем, что они выделялись из рабочей толпы. Показательно, что <<сознательных>> рабочих именовали подчас <<студентами>> даже в тех случаях, когда они достигали почтенного возраста[31].

Первоначально забота <<рабочих интеллигентов>> о своем костюме шокировала многих социал-демократов, критиковавших подобные <<буржуазные привычки>>. Однако затем они нашли объяснение: одеждой <<сознательные>> рабочие демонстрировали свое равноправие в обществе. Смена костюма была важным символическим актом: <<...если разночинец-интеллигент своей одеждой, прической, как и всей своей повадкой в свое время манифестировал свое "нигилистической" миросозерцание, ... то наоборот, наш "потрясатель основ", становясь сознательным, неизменно и непременно одевает котелок, манишку, пиджак, и в этом его облачении в костюм культурного бюргерства обозначается рост его чувства собственного достоинства, желание его — представителя обездоленных низов — быть как люди, быть не хуже других>>[32].

Действительно, это был весьма важный мотив. Достаточно сказать, что в некоторые общественные места лица в <<русском платье>> подчас не допускались, требовался <<немецкий костюм>>. Показательно также, что владельцы некоторых мелких предприятий пытались запретить своим рабочим носить европейскую одежду. Когда один из <<самоварных рабочих>> в 1903 г. одел <<пушкинскую шляпу>>, то контора уволила его: <<Какой уж ты рабочий, когда в шляпе ходишь?>>[33].

Однако были и другие причины: костюмом <<рабочий интеллигент>> отделял себя от массы <<серых>>, <<несознательных>> рабочих. Вообще, если <<интеллигенция>> противопоставляла себя <<народу>>, то <<рабочая интеллигенция>> — <<массовику>>: <<...рабочий интеллигент тонет в рабочей массе, которая подчас сводит на нет его культурный подъем>>, <<рабочей интеллигенции приходилось прежде всего вливать бодрость в идейно отсталую широкую массу>>. С гордостью <<рабочие интеллигенты>> именовали себя <<интеллектуально высшей частью пролетариата>>[34].

Элитарное сознание <<рабочий интеллигенции>> партийные публицисты стремились истолковать и использовать в своих целях. Не был исключением и Л. Клейнборт. <<Достаточно беглого взгляда, чтобы убедиться, что рабочая масса на стороне демагогов, прикрывающихся флагом социализма, рабочая же интеллигенция на стороне социалистов, верных заветам Карла Маркса>>, — писал он в 1917 г. Меньшевики постоянно подчеркивали, что их поддерживает <<цвет рабочей интеллигенции>>. Успехи же политических оппонентов объяснялись либо настроениями <<темных масс>>, либо происками <<части партийной интеллигенции>>, <<партийной богемы>> и т.п.[35] Однако в критический период 1917 г. <<рабочие интеллигенты>> переживали отрыв от <<массы>> как свою <<трагедию>>[36].

В целом Л. М. Клейнборт рисует портрет <<рабочей интеллигенции>> в соответствии с общими социал-демократическими представлениями. Однако есть и существенное отличие. Понятие <<рабочая интеллигенция>> он подчас трактует крайне широко, включая в него и представителей т. н.

<<народной интеллигенции>>. Дело в том, что в начале века в России возникла особая субкультура, создавались журналы и издательства, ориентирующиеся на <<народную интеллигенцию>>. Иногда термины <<рабочая интеллигенция>> и <<народная интеллигенция>> Клейнборт использовал как синонимы. Отчасти это было проявлением терминологической небрежности. Однако нельзя не видеть и взаимного влияния двух субкультур. Так, т. н. <<пролетарская литература>> развивалась под воздействием давней традиции литературы <<писателей из народа>>[37].

С другой стороны, для самоидентификации <<народной интеллигенции>> (другие понятия — <<интеллигенция от народа>>, <<народная демократическая интеллигенция>>, <<демократическая интеллигенция>>, <<интеллигенция из народа>>, <<народная демократия>>) также важна была эгалитарная, антибуржуазная ориентация. Так, один <<народный писатель>> писал другому: <<Ты развенчал великого поэта (речь шла об А.С. Пушкине — Б. К.). Так ему, буржую, и надо>>[38].

С <<рабочей интеллигенцией>> <<народных интеллигентов>> сближала и критика <<буржуазной интеллигенции>>, <<дипломированной интеллигенции>>, <<интеллигентов – мещан>>, <<привилегированной интеллигенции>>, <<лжеинтеллигенции>>, <<интеллигентов–банкротов духа>> — <<старшей сестры>>, предавшей <<заветы>> <<истинных интеллигентов>> — представителей старших поколений. <<Критика всего, чему верили и поклонялись, начинается с интеллигенции>>, — писал Клейнборт, именовавший иногда <<народную интеллигенцию>> <<полуинтеллигенцией>> (что не носило уничижительного характера). <<Стоит только "человеку из народа" дорваться теперь до пера и чернил, как он непременно фатально выведет на клочке бумаги, *интеллигенту анафема* ! — и часто с такой экспрессией, будто удар кулака>>, — писал, откликаясь на одну статью Клейнборта, К.Чуковский. По его свидетельству, М. Горький, изучивший множество рукописей писателей из простонародья, пришел к выводу: <<Самый значительный факт — отрицательное отношение к интеллигенции>>. В простонародных драмах, повестях и рассказах <<тип

интеллигента рисуется как тип барина, привыкшего командовать, всегда плохо знакомого с действительностью и трусливого в момент опасности>>[39].

За что же критиковали <<интеллигенцию>> <<народные интеллигенты>>?

В первую очередь — за аполитичность и за отход от оппозиционного движения: <<Пролетариат, народ не оправдал надежд интеллигенции. Захотелось жить для себя и за себя, и покаялись Савинковы, Бурнакины, ибо приятнее сидеть где-нибудь в десятом ряду театра и смотреть "Синюю птицу", чем путешествовать на казенный счет по якутской области>>. Интеллигенцию упрекали в отходе от идеалов <<общественности>>, в эгоизме: <<Карьеризм, жизнь для себя разъели старшую сестру>>[40].

Наконец, многие <<народные интеллигенты>> обличали <<бесстыжую литературу>>: <<Когда рабочий жаждет света и духовной жизни, вы ему подносите напитанную мерзостью половую проблему>>[41].

Нельзя не видеть, что обвинения интеллигенции <<народной интеллигенцией>> подчас совпадали с позициями защитников <<общественности>>, осуждавшими интерес к <<половым проблемам>>, требующими от автора строгой самоцензуры[42].

<<Народная интеллигенция>> протестовала против <<опеки>> со стороны <<дипломированной>> интеллигенции. Часто эти протесты оформляли конкурентную борьбу, которую вели писатели <<из народа>>, самоутверждавшиеся и декларирующие свое превосходство: <<Духовная жизнь русского народа идет своей дорогой нормального развития и миазмы, заразившие интеллигенцию так называемого общества, совершенно бессильны над духовными проявлениями народности: наряду с упадком и разложением интеллигенции общества, из недр народа встает новая великая сила — народная интеллигенция, которая и будет истинным выразителем народности>>. Доставалось и безупречным писателям прошлого: интеллигенты прошлого <<понимали умом мужицкое горе, нужду, но они никогда не чувствовали этого сердцем>>. Правда автор этих

строк в частном письме Л.Клейнборту признавался, характеризуя многих <<народных писателей>>: <<Если наша интеллигенция всегда понимала умом и горе и страдание народа, но не могла почувствовать это сердцем, то здесь получилось обратное: чувствуя неправоту в жизни, испытывая страдания, они не могли понять, что вне умственного развития, вне изучения общественной жизни и понимания ее различных течений, для них нет жизни, нет творчества. ...Уж лучше интеллигентское понимание умом, чем такое чувствование сердцем>>[43].

Антиинтеллигентские взгляды <<народной интеллигенции>>, многие представители которой являлись рабочими, были присущи и <<рабочей интеллигенции>>. Однако последние приводили и свои аргументы.

Один из наиболее ярких примеров выступления <<рабочих-интеллигентов>> против интеллигенции — статья рабочего-меньшевика Ф.А.Булкина, одного из руководителей Союза металлистов. В партийных кругах он считался <<одним из видных представителей пролетарской интеллигенции>>. Булкин призывал к объединению <<рабочей интеллигенции>> различной ориентации с тем, чтобы стать <<истинными руководителями рабочего движения и будущей рабочей партии>>. Он призывал к освобождению от <<интеллигентской опеки>>, указывал на <<интеллигентскую опасность>> в русской социал-демократии. Интеллигенция воспитала рабочих <<в духе преклонения перед революционной фразой>>, она же заразила движение фракционностью: <<Только у нас в России можно встретить такой болезненный чисто фракционный фанатизм у рабочих>>. История РСДРП для Булкина — это <<непрерывная борьба рабочих и интеллигенции внутри социал-демократии за власть, за превращение социал-демократии в рабочую партию>>, борьба, в которой интеллигенция неизменно выигрывала: <<От имени рабочего класса говорила и действовала радикальная интеллигенция. Она парализовала волю и ум рабочего... Сознательный рабочий превратился в автомат для интеллигентских вожделений>>. Антибольшевизм и легализм у Булкина также окрашены в антиинтеллигентские тона: <<...только

большевистская интеллигенция выступила в защиту старой социал-демократии (т. е. <<интеллигентской>> партии — Б. К.), легальное движение не находится <<под вредной опекой интеллигенции>>. В данном случае весьма важно, что Булкин отождествлял себя с <<рабочей интеллигенцией>> и считался таковым. Его взгляды нашли поддержку ряда меньшевиков-рабочих, но обеспокоили меньшевистских лидеров[44].

С другой стороны, антиинтеллигентские настроения были присущи и некоторым рабочим-большевикам, считавших себя <<рабочими интеллигентами>>[45].

Вообще в этот же период в рабочей среде получают распространение антиинтеллигентские настроения. Можно предположить, что подобная атмосфера воздействовала на <<рабочих интеллигентов>>. Однако на подобную позицию влияло, по-видимому, и известное пренебрежение к интеллигенции, высказывавшееся марксистами разных направлений, которые вне зависимости от происхождения и профессии отождествляли себя с <<рабочим классом>>, а своих оппонентов в партии — с <<мелкой буржуазией>> и <<интеллигенцией>>. Русские марксисты, по словам Л.Клейнборта, <<отмежевывают себя окончательно от "интеллигенции" и интеллигентских иллюзий>>. По его воспоминаниям часто <<какой-нибудь оратор, — где-нибудь в кружке, на вечеринке — вдруг начинал проповедь интеллигентствоедства>>[46].

На формирование подобных взглядов оказал влияние П.Б. Аксельрод, который охарактеризовал позицию большинства большевиков как выражение борьбы радикального крыла демократической (якобинской) интеллигенции против классовой самостоятельности пролетариата. Показательно, что Булкин сочувственно цитирует Аксельрода и посвящает <<дорогому учителю>> свою книгу[47].

Следует отметить, что несмотря на свой <<пролетарский шовинизм>>, проявлявшийся в антиинтеллигентских настроениях, <<рабочая интеллигенция>> культурно и психологически часто ощущала большую близость к <<старшей сестре>>, чем к <<массам>>[48]. Как уже отмечалось, <<рабочие интеллигенты>> нередко писали о своей трагической изоляции.

Многие <<народные интеллигенты>> и <<рабочие интеллигенты>> были уверены, что будущее определенно сулит им превосходство над <<интеллигенцией>>. Как же встретила последняя появление новых <<сородичей>>, олицетворявших, казалось бы, мечты <<восьмидесятников>>? <<Народные интеллигенты>> болезненно регистрировали презрительные отклики: <<Мы уже слышим злобное улюлюканье по нашему адресу, радикально мыслящих гг. Философовых, Пришвиных... будто мы, получив способность к членораздельной речи от интеллигенции, — забыли это и обливаем ее помоями>>, — писалось в редакционной статье <<Народной семьи>>[49].

Однако многие авторы встретили <<народную интеллигенцию>> с энтузиазмом: <<В России родилась новая интеллигенция — народная интеллигенция, бодрая и жизнерадостная, здравомыслящая, свежая и могучая. В этой новой интеллигенции залог светлого будущего России>>, — писал И.Александровский в рецензии на одну из статей Л.Клейнборта. Меньшевистские публицисты со своей стороны были уверены в том, что <<новая интеллигенция>> займет господствующее положение в рабочем движении: <<... в нем консолидируются ячейки собственной рабочей интеллигенции. Случайным социалтуристам тут труднее всего ужиться. ...Шире дорогу — новый интеллигент идет>>, — заявлял Ст. Иванович[50].

Интереснейшую оценку статей Л.Клейнборта дал К.Чуковский: <<Все, что отличало когда-то прежнюю русскую интеллигенцию, весь этот героический пыл, это идейное кипение, эта влюбленность в народ, эта жажда жертвы и подвига, все отлетело от нас и стало достоинством их, "полунищих, полуневежд", ... Только сегодня явившихся на общественную сцену, но уже полностью принявших то наследие наших отцов, которое было завещано нам и от которого мы отреклись... Так что уже и сейчас настоящие интеллигенты — они, только они одни! Основные, коренные черты былой интеллигенции русской именно у них... Вникните, всмотритесь в их каракули, тот же интеллигентский пафос, те же интеллигентские лозунги, *нами*, "старшими" уже забываемые...>> Чуковский признавал, что <<народные интеллигенты>> не только наследники традиции интеллигентской

культуры, но и хранители ее ярчайших черт, <<...уже по первому бессвязному лепету можно судить, какие великие он нам скажет слова, какими подвигами себя он прославит!...>>[51].

В известной степени он был прав: достаточно вспомнить ту роль, которую <<полуинтеллигенты>> (так называл их Чуковский) сыграли в последующей истории России.

Очевидно, что изучение <<рабочей интеллигенции>> представляет немалый интерес для историков рабочего класса России (неудивительно, что работы Л.Клейнборта и по сей день часто цитируются).

Однако, как нам кажется, и тема, и работы данного автора важны для исследования истории российской интеллигенции — они позволяют судить об обаянии и распространенности субкультуры, самосознания, самоидентификации интеллигенции: если в Англии квалифицированные, высокооплачиваемые, грамотные рабочие именовали себя <<рабочей аристократией>>, то в России — <<рабочей интеллигенцией>>, ориентируясь при этом на образ жизни и ценности <<старшей сестры>>. Нельзя не видеть, что портрет <<рабочей интеллигенции>> Клейнборта во многом напоминает картины, созданные П. Д. Боборыкиным и другими авторами, рисовавшими идеализированный портрет российской интеллигенции. Субкультуру <<рабочей интеллигенции>> можно рассматривать как частный, пограничный случай культуры интеллигенции. И именно в изучении подобного <<пограничья>> можно выделить интересные черты развития культуры.

Изобретая идентификацию <<рабочей интеллигенции>> <<народный интеллигент>> Аксельрод и другие социал-демократы использовали имеющийся образец субкультуру русской интеллигенции. Следует напомнить, что сам Клейнборт был интеллигентом во всех значениях этого слова — публицист, исповедовавший радикальные политические взгляды и гордившийся своей принадлежность к интеллигенции, пользовался в <<интеллигентской республике Петрополя>> (выражение Г.В. Плеханова) всеми правами гражданства.

Предлагая идентификацию <<рабочей интеллигенции>> меньшевики стремились получить инструмент для <<европеизации>> рабочего движения России. Однако исходный материал был сугубо отечественным: для строительства субкультуры <<рабочей интеллигенции>> использовались важные блоки культуры российской интеллигенции начала XX в., <<сознательных рабочих>> ориентировали на ее ценности и образ жизни[52].

Однако результаты были неожиданными. Хотя, по–видимому, многие меньшевики, в т. ч. и Клейнборт, формулируя концепцию <<рабочей интеллигенции>>, стремились использовать антиинтеллигентские настроения рабочих–активистов, направить их против своих оппонентов, но как мы видим, и многие меньшевики, считавшие себя <<рабочими интеллигентами>>, были настроены по отношению к <<старшей сестре>> крайне враждебно.

Некоторые идеи, высказанные строителями субкультур <<рабочей интеллигенции>> и <<народной интеллигенции>>, были использованы после революции 1917 г. большевиками, политика которых по отношению к интеллигенции подчас доходила до грани социоцида.

Появление этих субкультур следует рассмотреть и в более широком контексте кризиса самосознания российской интеллигенции после Первой российской революции. Попытка быстро отбросить, преодолеть многие важные элементы культуры российской интеллигенции предпринимались и на уровне идеологии (<<Вехи>>, дискуссии о самоцензуре, о <<половом вопросе>> и пр.) и на уровне обыденного сознания и поведения[53].

Однако быстрый отказ от старых <<заветов>> вызвал и бурный протест старой интеллигентской гвардии, и появление новых субкультур, в которых антиинтеллигентские настроения причудливым образом переплетались с блоками культуры <<старшей сестры>>. Подобный результат можно было бы предвидеть: решительная попытка радикального преодоления укоренившейся глубоко традиции, радикальная <<перестройка>> развитой культуры объективно была наивным и безответственным <<большим скачком>>. Клейнборт справедливо замечал: <<..."сломать и смести" традицию идейную не легче, чем иные традиции. ...Причины, создававшие психологию разночинца, продолжают действовать. Обстановка, воспитавшая "доктрину служения народа", еще та же>>. С сочувствием цитировал он <<рабочего интеллигента>>, обращавшегося к <<власть имущим>>: <<Добейтесь европейских порядков, будут у вас и европейские инженеры, — слуги, верные вашей мошне. А пока над страной измываются Пуришкевичи, в груди интеллигента будут жить "две души", одна из которых так и не нравится вам>>[54].

Примечания

[1] Боборыкин П. Д. Русская интеллигенция // Русская мысль. 1904. № 12. С. 88 (паг. 2-я).

[2] Об этом см., например: Клейнборт Л. М. Очерк общественно-литературных направлений // Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом). Ф. 586, оп. 1, д. 450, л. 96.

[3] Аксельрод П. Б. Задачи рабочей интеллигенции в России: Письмо к русским рабочим. Женева, 1889. С. 2—4, 6—9, 13—15; Потресов А. П. Б. Аксельрод (Сорок пять лет общественной деятельности). СПб., 1914. С. 24, 25; Ascher A. Pavel Axelrod and the Development of Menschevism. Cambridge (Mass.), 1972. P. 95, 110.

[4] Церетели И. Г. П. Б. Аксельрод // Архив Амстердамского Института социальной истории. Л. 9.

[5] Ascher A. Op. Cit. P. 102.

[6] Ленин В. И. Попятное направление в русской социал-демократии // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 268. См. также: Ленин В. И. По поводу profession de foi // Там же. С. 315—316; Его же. Внутреннее обозрение (1901) // Там же. Т. 5. С. 334.

[7] Ленин В. И. Материалы к вопросу о борьбе внутри социал-демократической думской фракции // Там же. Т. 24. С. 101.

[8] Указ. со[illegible]м. также: Письмо Л. Б. Каменеву // Там же. Т. 4. С. 172.

[9] Выступление Л. Хаймсона на международном коллоквиуме историков, Санкт-Петербург, январь 1993 г. Анатомия революции: 1917 год в России: Массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 268; Haimson L. The Problem of Social Identities in Early Twentieth Century Russia // Slavic Review. 1988. Vol.47. № 1. P.4. В концепции эсеров <<трудовая интеллигенция>> была, наряду с <<крестьянством>> и <<пролетариатом>>, частью <<трудящегося народа>>, <<рабочего класса>>. Клейнборт Л. М. Очерк общественно-литературных направлений, 1880—1935 // ОР ИРЛИ. Ф. 586, оп. 1, л. 144—145.

[10] Иков В. К. Листопад // Вопр. истории. 1995. № 10. С. 130—131.

[11] См. Шеррер Ю. Социал-демократическая интеллигенция и рабочие // Реформы или революция? (Россия, 1861—1917): Материалы международного коллоквиума историков. СПб., 1992. С. 114—115.

[12] Рейтблат А. И. Клейнборт // Русские писатели, 1800—1917: Биографический словарь. Т. 2.: Г—К. М., 1992. С. 549—550; Клейнборт Л. М. Автобиография [1950 г.] // ОР ИРЛИ. Ф. 586, оп. 1, д. 429, л. 2—3; Его же. <<Политические>> в царствование Николая II // Там же. Д. 452, л. 3; Отзыв А. В. Прибылева и А. Прибылевой о Л. М. Клейнборте (5 мая 1936 г.) // Там же. Д. 453, л. 3.

[13] Рейтблат А. И. Указ. соч.; Письмо Л. М. Клейнборта С. А. Венгерову, 7 февраля 1913 г. // ОР ИРЛИ. Ф. 377, оп. 1, д. 1779, л. 1; Клейнборт Л. М. Автобиография // ОР ИРЛИ. Ф. 586, оп. 1, д. 429; Анкета Л. М. Клейнборта для <<Словаря современников>> // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 103 (Г. Г. Бродерсон), оп. 1, д. 77.

[14] ОР ИРЛИ. Ф. 586, оп. 1, д. 462, л. 13. В переписке речь шла о планах публикации воспоминаний Клейнборта в издании Литературного музея.

[15] Ананьин Е. Из воспоминаний революционера, 1905—1923 // Меньшевики / Сост. Ю. Г. Фельштинский. Бенсон (Вермонт, США). 1988. С. 214.

[16] Рейтблат А. И. Указ. соч.; Письмо Л. М. Клейнборта С. А. Венгерову // ОР ИРЛИ. Ф. 377, оп. 1, д. 1799; ОР ИРЛИ. Ф. 586, оп. 1, д. 453, л. 1—8.

[17] ОР ИРЛИ. Ф. 586, оп. 1, д. 10, л. 23.

[18] Свердлов Я. М. Избранные произведения. М., 1957. Т. 1. С. 259.

[19] Клейнборт Л. М. Очерки рабочей интеллигенции. Пг., 1923. Т. I: (1905—1916). С. 54, 57, 61, 62.

[20] Там же. С. 98.

[21] Там же. С. 63, 132, 139; Его же. Очерки рабочей журналистики. Пг.; М., 1924. С. 120.

[22] Клейнборт Л. М. Очерки рабочей интеллигенции... Т. 1. С. 132, 133, 176.

[23] Там же. Т. 1. С. 27, 40, 41, 118, 132, 177 и др.; Его же. Революция и рабочая культура. Пг., 1917. С. 26; Его же. Художественные запросы пролетариата // Вестник Европы. 1917. Кн. 9—12. С. 346; Л. М. Ответ Булкину // Наша заря. 1914. № 3. С.5.

[24] Клейнборт Л. Очерки рабочей журналистики. Пг.; М., 1924. С. 102, 112.

[25] Чуковский К. Мы и они // Речь. 1911. 29 октября; Клейнборт Л. М. Рабочая интеллигенция и искусство // Вестник Европы. 1913. № 8. С. 215.

[26] Хейсин М. Л. В мире рабочих // Наша заря. 1910. № 1. С. 63; Ракитин Г. (Левицкий В.) Рабочая масса и рабочая интеллигенция // Там же. 1913. № 9. С. 56; Кубиков И. О развитии рабочего самосознания // Дело. 1917. № 3—6. С. 82; Булкин (Семенов) Ф. А. На заре профдвижения (История Петербургского союза металлистов), 1906—1914. Л.; М., 1929. С. 200. Исследователи быта рабочих отмечают, что со времени революции 1905 г. из <<передовых кадровых рабочих>> выделилась <<значительная прослойка>> политически развитой <<рабочей интеллигенции>>. См.: Крупянская В. Ю. Эволюция семейно-бытового уклада рабочих // Российский пролетариат: Облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 287.

[27] Фишер А. В России и в Англии: Наблюдения и воспоминания петербургского рабочего (1890—1921 г.). М., 1922. С. 19, 20, 24; Фишер Г. (!) Подполье, ссылка, эмиграция: Воспоминания большевика. М., 1935. С. 51, 55.

[28] Цит. по: Канатчиков С. Из истории моего бытия. М.; Л., 1929. С. 98—99; Авангард: Воспоминания и документы питерских рабочих 1890-х годов / Сост. Е. Р. Ольховский. Л., 1990. С. 334.

[29] Розенталь И. С. Духовные запросы рабочих России после революции 1905—1907 гг. // Исторические записки. 1982. Т. 107. С. 91—

92; Меницкий И. Революционное движение военных годов (1914—1917). Т. 1: Первый год войны (Москва). М., 1925. С. 394—397.

30 Клейнборт Л. М. Очерки рабочей интеллигенции... Т. 1. С. 158—159.

31 Клейнборт Л. М. Народная демократия // Новая жизнь. 1911. Т. VI. С. 209; Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении (По личным воспоминаниям) // Собрание сочинений. М.; Пг., 1923. Т. 3. С. 131—133, 135, 144; Канатчиков С. Из истории моего бытия. М.; Л., 1929. С. 22, 57—58, 92; Шаповалов А. И. По дороге к марксизму (Воспоминания рабочего революционера). Ч. 1. М., 1922. С. 20; Его же. Путь молодого рабочего. М., 1923. С. 49, 73; Потресов А. Еще к вопросу о пролетарской культуре // Наша заря. 1914. № 4. С. 82. Wildman A. K. The Making of a Workers' Revolution: Russian Social Democracy. 1891—1903. Chicago; London, 1967. P. 37. Яркую зарисовку к подобного типа культурной ориентации дает П. Гарви: Гарви П. Воспоминания: Петербург — 1906 г., Петербург—Одесса—Вена — 1912 г. New York, 1961. С. 66—67.

32 Потресов А. Еще к вопросу о пролетарской культуре... С. 87.

33 Авангард: Воспоминания и документы питерских рабочих... С. 305—306; Клейнборт Л. М. Очерки рабочей интеллигенции... Т. 1. С. 76.

34 Клейнборт Л. Художественные запросы пролетариата // Вестник Европы. 1917. Кн. 9—12. С. 345; Его же. Рукописные журналы рабочих // Там же. Кн. 7/8. С. 296; Его же. О положительной работе // Единство. 1917. 11 апреля; Его же. Очерки рабочей интеллигенции... Т. 2. С. 24—26.

35 Клейнборт Л. М. Революция и рабочая культура. Пг., 191. С. 30; См. письмо В. О. Левицкого П. Б. Аксельроду от 16 июня 1918 г. // Мартов и его близкие: Сб. Нью-Йорк, 1959. С. 64. Ср.: <<В Петрограде оппозиция интернационалистам шла главным образом из кругов меньшевистской рабочей интеллигенции и местных оборонцев, работавших в профессиональном, кооперативном и страховом движении>>. Ланде Л. Состояние партийной организации к моменту октябрьского переворота // Меньшевики... С. 72. См. также: А. Н. Потресов: Посмертный сборник произведений. Париж, 1937. С. 76; Иванович С., А.Н.Потресов: Опыт культурно-психологического портрета. Париж, 1938. С. 55—56, 133, 152.

36 Кубиков И. Трагедия рабочей интеллигенции // Рабочая мысль: Рабочий журнал меньшевистского направления. 1917. № 1. С. 4—6.

37 Клейнборт Л. Очерки рабочей журналистики. Пг.; М., 1924. С. 5.

38 Там же. С. 20.

39 Клейнборт Л. М. Народная демократия // Новая жизнь. 1911. № 4. Стб. 201, 205, 213; Чуковский К. Указ. соч.; С. К. Наши дни и задачи // Друг народа. М., 1915. № 1. С. 1—2; От редакции // Народная семья. 1912. № 2. С. 2, 3; Р. К. О народной интеллигенции // Друг народа. 1915. № 2. С. 1—2; Деев-Хомяковский Г. Культурные уголки и культурные одиночки // Там же. С. 11; Народная семья. 1912. № 2. С. 3; Афанасьев Н. По поводу очерка М. Горького <<Писатель>> // Там же. С. 3; Рогожин Н. Народная интеллигенция // Учительский вестник. Оренбург, 1913. № 10. С. 15—16.

40 Афанасьев Н. По поводу очерка М.Горького <<Писатель>> (продолж.) // Народная семья. 1912. № 5. С. 4; Рогожин Н. Народная интеллигенция // Учительский вестник. Оренбург, 1913. № 10. С. 16.

41 Чуковский К. Указ. соч.

42 Kelly A. Self-Censorship and the Russian Intelligentsia, 1905—1914 // Slavic Review. 1987. Vol. 46. № 2. P. 193—213. Статья частично переведена на русский язык: Келли А. Самоцензура и русская интеллигенция: 1905—1914 // Вопр. философии. 1990. № 10. С. 52—61.

43 Клейнборт Л. Что думает интеллигенция из народа // Новая жизнь. 1911. № 4. С. 187; С.К. Наши дни и задачи // Друг народа. 1915. № 1. С. 2; Ковалев К. Недоразумение // Там же. № 3. С. 11. Афанасьев Н. По поводу очерка М. Горького <<Писатель>> // Народная семья. 1912. № 1. С. 5; Письмо Н.Афанасьева Л. Клейнборту, 9 февраля 1914 г. // ОР ИРЛИ. Ф. 586, оп. 1, л. 8, 9 об.

44 Булкин Ф. Рабочая самодеятельность и рабочая демагогия // Наша заря. 1914. № 3. С. 55—64; Л. М. [Ю. О. Мартов] Ответ Булкину // Там же. С. 64; Антонов К. Интеллигенция в русском рабочем движении // Там же. № 5. С. 73—76; Письмо Ф. И. Дана П. Б. Аксельроду 14 (27) апреля 1914 г. // Федор Ильич Дан: Письма (1899—1946). Амстердам, 1985. С. 309.

45 Фишер А. В России и в Англии... С. 42, 49.

46 Клейнборт Л. М. Очерки... С. 181—182; Клейнборт Л.М. Очерк общественно-литературных направлений... // ОР ИРЛИ. Ф. 586, оп. 1,

д. 450, л. 25, 76. У грузинских социал-демократов интеллигентофобия проявлялась в противопоставлении <<интеллигентской>> русской социал-демократии <<рабочей>> грузинской. Жордания Н. Моя жизнь. Stanford, 1968. С. 51—52.

[47] Рейман М. Заметки по интерпретации 1917 года // Отечественная история. 1994. № 4/5. С. 198, 204; Булкин Ф. Указ. соч. С. 61; Булкин (Семенов) Ф. Рабочий класс и рабочая партия. Ч. 1: Социал-демократия и рабочее движение в русской революции (Критические очерки). СПб., 1914.

[48] Wildman A. Op. Cit. P. 115.

[49] От редакции // Народная семья. 1912. № 2. С. 3.

[50] Александровский И. Записки: Интеллигенция из народа // Одесский листок. 1911. 30 марта; Иванович Ст. Судьбы русской интеллигенции // Н ша заря. 1910. № 5—6. С. 72—73.

[51] Чуковский К. Мы и они // Речь. 1911. 29 октября.

[52] Происходил и обратный <<обмен идентификацией>>: в 1917 г. по образцу Сов⁻⁻ов рабочих депутатов возникали Советы трудящейся интеллигенции, а народные учителя именовали себя <<интеллигентным пролетариатом>>, <<пролетариями умственного труда>>. Смирнов Н.Н. Российское учительство накануне и во время революции 1917 года. СПб., 1994. С. 118—119. Для социал-демократической интеллигенции поиск подходящей самоидентификации был непростым процессом. В листовке марксистской группы при Московском техническом училище (февраль 1915 г.) писалось: <<Мы должны отказаться от всяких иллюзий, должны бросить подчеркивание своей "интеллигентности", т. к. она только затушевывает классовые противоречия. ...Мы отбрасываем кличку "интеллигентный пролетариат", которую сострадательно бросают нам буржуазные идеологи. Мы должны стать пролетарской интеллигенцией, противопоставить себя буржуазной интеллигенции, — апологетам капитализма>>. Меницкий И. Революционное движение военных годов... С. 214.

[53] Об отказе от старых идеалов на уровне массового интеллигентского сознания свидетельствовала анкета, проведенная среди студентов-технологов. Она показала, что известное распространение получили и антисемитизм, и <<ретроградные>> взгляды по женскому вопросу — что противоречило интеллигентским идеалам. Иванович Ст. Судьбы русской интеллигенции // Наша заря. 1910. № 5/6. С. 59—60.

[54] Клейнборт Л. <<Русская мысль>> и судьбы интеллигенции // Современный мир. 1912. № 10. С. 264, 268; Его же. Очерки рабочей журналистики... С. 131.

ОГЛАВЛЕНИЕ